

#YOUNG
FANTASY

Ф. К. КАСТ

ИЗБРАННАЯ
ЛУНОЙ

СКАЗКИ НОВОГО МИРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К28

P.C. Cast
MOON CHOSEN
Tales of a New World

*Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA*

Художественное оформление *Василия Половцева*

Перевод с английского
Марины Извековой, Анны Логиновой и Марии Фетисовой

Каст, Ф.К.

К28 Избранная луной: [роман] / Ф.К. Каст; пер. с англ.
М. Извековой, А. Логиновой, М. Фетисовой — Москва:
Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (#YoungFantasy).

ISBN 978-5-17-101597-8

Восемнадцатилетняя Мари принадлежит клану Землеступов — ее соплеменники поклоняются матери-Земле и совершают лунные обряды, необходимые для выживания. Она собирается стать жрицей, но будущее пугает девушку: что произойдет, если клан узнает тайну ее происхождения? Однажды на пороге своего дома Мари находит щенка. Милое существо, сразу ставшее ей родным, навсегда меняет судьбу юной жрицы. Вместе с собакой, верным другом и спутником, в ее жизни появляется Ник, сын вождя враждебного клана. Мари больше не терзает страх разоблачения. Ради спасения своего народа и любимого человека она готова принять выпавший ей жребий.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-101597-8

Copyright © 2016 by P.C.Cast
© М. Извекова, перевод на русский язык
© А. Логинова, перевод на русский язык
© М. Фетисова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящаю эту книгу своему редактору
Монике Паттерсон
за ее страстную увлеченность Новым миром,
за веру в меня и за необычайные, сверхъестественные
способности к мозговому штурму.*

*Пусть наше сотрудничество
будет долгим и плодотворным.*

Заливистый женский смех звенел под сводами теплой опрятной норки.

— Ох, Мари! Разве это иллюстрация к мифу, который я тебе только что рассказала?

В одной руке мать Мари держала листок самодельной бумаги, другой, давась от смеха, прикрывала рот.

— Мама, твое дело рассказывать истории, а мое — картинки рисовать. Ведь таковы правила игры? Нашей *любимой* игры!

— Да, — кивнула Леда, сделав серьезную мину. — Я-то рассказываю, а вот ты рисуешь, как тебе померещится.

— Ну и что за беда? — Мари встала рядом с матерью и тоже вгляделась в готовый набросок. — Я так вижу историю Нарцисса и Эхо.

— Мари, твой Нарцисс на глазах превращается в цветок, причем довольно неуклюже. Одна рука уже стала листом, другая — рука как рука. То же самое с его... — женщина подавила смешок, — м-м-м... некоторыми другими частями тела. Вдобавок усы и дурацкое выражение лица. Однако надо признать, у тебя удивительный дар: даже нелепый полу-юноша-полуцветок, и тот вышел как живой. — Леда указала на призрачную нимфу, следившую за превращением Нарцисса с выражением скуки и недовольства. — А Эхо у тебя... будто ее... — мать запнулась, подыскивая слова.

— Тошнит от Нарцисса и его самолюбования? — подсказала Мари.

Леда, оставив менторский тон, от души рассмеялась:

— Да, именно такой она у тебя вышла, только рассказ мой был совсем не о том.

— Вот что, Леда. — Мари, назвав мать по имени, вскинула брови. — Выслушала я твою историю и решила, что концовка явно смазана.

— Концовка? Смазана? Да неужели! — мать легонько толкнула дочь плечом. — И перестань называть меня Ледой.

— Но Леда, это же твое имя!

— Кому Леда, а кому и матушка.

— *Матушка?* Вот как? Очень...

— Почтительно и общепринято. — Пришел черед Леды подсказывать.

— Нет, скорее, нудно и старомодно. — Мари заранее знала, как парирует собеседница, и глаза ее заблестели в предвкушении.

— Нудно и старомодно? Это меня ты только что назвала нудной и старомодной?

— Что? Я? Да чтобы я назвала тебя так? Да ни за что, мама, да никогда! — дочь рассмеялась и подняла руки, признав поражение.

— То-то же! «Мама» — совсем другое дело, не то что «Леда»!

Мари улыбнулась:

— Mam, этот спор у нас не умолкает уже восемнадцать зим.

— Мари, девочка моя, на самом деле поменьше — лопотать-то ты начала, к счастью, не с рождения! Все-таки выпала мне отсрочка в пару зим!

— Мама! Ты же сама *поощряла* меня говорить, едва я встретила вторую зиму! — притворно удивилась Мари и, взяв обугленную палочку — свой любимый угольный карандаш, потянулась за рисунком.

— Да, но ведь и я не образец совершенства! Я была всего лишь юной мамой и старалась как умела, — произнесла Леда со вздохом и вернула дочери листок.

— Совсем-совсем юной? — переспросила та, что-то бего набрасывая и заслоня рукой плоды доработки от Лединых глаз.

— Совершенно верно, Мари, — подтвердила Леда, пытаясь подсмотреть. — Я была на одну зиму моложе тебя, когда встретила твоего замечательного отца и... — женщина умолкла и неодобрительно глянула на Мари, не сдержавшую смешок.

— Готово. — Дочь протянула рисунок Леде.

— Мари, у него глаза косые, — заметила та.

— Судя по твоему рассказу, звезд он с неба не хватал, вот я и изобразила его дурачком.

— Ох, не говори!

Мать и дочь посмотрели друг на друга и снова залились смехом.

Леда вытерла слезы и порывисто обняла дочь.

— Беру свои слова назад. Мой вердикт: твой рисунок — само совершенство!

— Спасибо, *матушка!*

В глазах у Мари заплясали огоньки. Она взяла чистый лист бумаги и занесла над ним угольный карандаш. Мари любила древние предания, которыми, сколько она себя помнила, делилась с ней Леда. Мать, сдабривая их мудрыми наблюдениями, рассказывала о приключениях, любви и потерях столь же искусно, как мастерицы из Клана плетельщиков плели корзины, ткали материю и ковры для обмена на продукцию Кланов рыболовов, мукомолов и плотников.

— Расскажи еще что-нибудь! Всего одну историю, ну пожалуйста! Ты так чудесно рассказываешь.

— Лестью историю из меня не вытянешь. А вот корзинка первой черники, пожалуй, тебе перепадет.

— Черника! Правда? Здорово! Славная из нее получается краска. Не то что чернила из грецких орехов, только бумагу пачкают.

Леда тепло улыбнулась:

— Все любят черникой лакомиться, а тебе она нужна, чтобы рисовать.

— Не мне *одной*, мама. Ты тоже любишь делать из нее краску, для ткани.

— Да, краска отличная! К весне выкрашу тебе плащик, но честно признаюсь, предпочла бы черничный пирог!

— Черничный пирог! И я бы не отказалась! Впрочем, как и от очередной истории. Скажем, от мифа о Леде. Кстати, мама, почему тебя так называли? Почему именно Ледой? Миф твоей маме наверняка был знаком, — поддразнила Мари. — Но поскольку звали ее Кассандра, вряд ли она умела подбирать имена.

— Ты прекрасно знаешь, что Жрицы луны называют своих дочерей так, как нашепчет им Великая Мать-Земля. Моей матери, Кассандре, имя дала ее мать Пенелопа. А твое чудное имя Мать-Земля нашептала мне в ночь полнолуния накануне твоего рождения.

— Скучное у меня имечко. — Девушка вздохнула. — Значит, даже на Мать-Землю я навожу скуку?

— Нет, это значит, что от Матери-Земли в придачу к имени ты получила историю жизни, не похожую ни на чью другую.

— Ты это говоришь, сколько я себя помню, а истории у меня как не было, так и нет, — упрекнула Мари.

— Всему свое время. — Леда коснулась бархатной щеки дочери, и в ее улыбке просквозила печаль. — Мари, девочка моя, хотела бы я рассказать тебе еще что-нибудь, да не успею. Солнце уже садится, а сегодня полнолуние. О Клане нужно позаботиться.

Мари приготовилась упрашивать родительницу, чтобы та задержалась еще ненадолго и позаботилась сначала о дочери, а потом уж о Клане, но не успела она произнести вслух свое эгоистичное желание, как по телу Леды пробежала судорога: ее плечи свело, и голова мелко затряслась. И пусть Леда как всегда отвернулась, дабы скрыть от любимой дочери ежевечернюю перемену, Мари все прекрасно видела.

Ее насмешливость мигом улетучилась. Отбросив листок и карандаш, Мари подошла к матери, взяла ее ладони в свои. Как же больно было чувствовать исходивший от родного существа холод, видеть появившийся серебристый отлив кожи! Как всем сердцем хотелось облегчить страдания, которые испытывала мама каждый вечер на закате солнца.

— Прости, мамочка, я совсем потеряла счет времени. Не стану тебя задерживать. — Мари старалась говорить бодро, не желая обременять горячо любимого человека своими переживаниями. Довольно и того, что мать мужественно уходила в темноту навстречу опасности. — Мое желание подождет. Мне есть чем заняться. Надо закончить один рисунок, поработать над перспективой.

— Можно взглянуть? — не удержалась Леда.

— Он еще не готов; знаешь ведь, не люблю показывать неоконченную работу.

Леду вновь затрясло, и дочь невольно сжала ее руку в знак поддержки и любви. Она через силу улыбнулась.

— Но сегодня, пожалуй, сделаю исключение. Ты же моя любимая модель, а я на все готова, лишь бы угодить любимой модели.

— Надеюсь, ты ко мне благосклоннее, чем к Нарциссу, — поддела ее Леда.

Девушка подошла к грубо сколоченному деревянному столу, стоящему в глубине норы, в которой мать и дочь жили вдвоем восемнадцать зим, с рождения Мари.

Своды норы украшал пышный мох-светожар, а с потолка над столом, словно живые люстры, свисали грозды грибов-фонариков. Когда Мари повернулась к столу, улыбка, которую она изобразила ради матери, сбегала с ее лица. Девушка взяла лист плотной бумаги из растительных волокон, тщательно измельченных вручную, и обернулась. Она улыбалась Леде уже по-настоящему.

— Смотрю на свой рабочий стол, на мох-светожар и грибы-фонарики над ним, и всякий раз вспоминаю твои легенды о земных духах.

— Ты всегда любила истории, что передают Жрицы луны из поколения в поколение для забавы и в назидание дочерям, хотя правды в них не больше, чем в мифе о Нарциссе и бедняжке Эхо.

Мари по-прежнему улыбалась.

— Когда я рисую, для меня они все оживают.

— Ты часто это повторяешь, но... — начала Леда, однако осеклась на полуслове. Она ахнула от восхищения, едва взглянув на набросок. — Мари! Какое чудо! — Леда взяла из рук дочери листок, вгляделась внимательнее. — Честное слово, на сей раз ты превзошла себя. — Женщина осторожно провела пальцем по листку, завороченно глядя на свой портрет. Она была изображена у камина, с неоконченной корзиной на коленях, но смотрела не на корзину, а на художницу. Лицо светилось лаской.

Мари снова взяла руку матери в ладони и погладила ее:

— Рада, что тебе нравится, только рука не получилась такой же хрупкой и изящной, как в жизни.

Леда прижала ладонь к щеке Мари:

— Поправишь, и выйдет замечательная работа, как все твои рисунки.

Она нежно поцеловала дочь в лоб и добавила:

— Я для тебя приготовила подарок, девочка моя.

— Подарок? Правда?

Леда лукаво усмехнулась:

— Подарок, да еще какой! Закрой глаза и стой здесь. — Леда поспешила в дальнюю комнатку, служившую ей спальней, а заодно сушильней и кладовой для пряных трав. Выскользнув оттуда, она встала перед дочерью, заложив руки за спину.

— Что это? За спиной прячешь — значит, маленькое. Новое перо?

— Мари, я же просила не подглядывать! — пожурила Леда.

Девушка зажмурилась покрепче и улыбнулась.

— А я и не подглядываю! Просто я сообразительная, вся в маму! — похвасталась она.

— Да еще и красавица, вся в папу, — добавила Леда и водрузила свой подарок на голову дочери.

— Ой! Да это же девичий лунный венец! — Мари осторожно сняла с головы затейливый венок. Из плюща и ивовых лоз Леда сплела основу и украсила ее ярко-желтыми цветами. — Так вот, мамочка, для чего ты одуванчики собирала! Я думала, на вино.

Леда засмеялась:

— Вино я тоже сделала, а заодно и лунный венец для тебя сплела.

Мари приуныла:

— Я и забыла, что сегодня первое весеннее полнолуние. Думаю, Клан отпразднует на славу.

Мать сокрушенно покачала головой:

— Хорошо бы, да только, боюсь, веселье будет омрачено, ведь многих Землеступов недавно взяли в плен Псобратья. Чую, Мать-Земля неспокойна, будто грядут перемены к худшему. Наши женщины погружены в печаль более обычного, а что до мужчин... Знаешь ведь, как беснуются наши мужчины от ночной лихорадки.

— Не то слово беснуются — звереют. Землерылы проклятые!

— Не смей называть так свой народ, Мари. Можно подумать, они не люди, а чудовища!

— Мама, это лишь наполовину мой народ, а по ночам они и вправду чудовища. Мужчины уж точно. Что бы с ними стало, если бы ты каждую третью ночь не смывала с них ночную лихорадку? Известно, чем бы все кончилось. Вот почему никто, даже сородичи по Клану, не должен знать дороги к норе Жрицы.

Тревога и страх придали резкости словам девушки, и она тут же пожалела о сказанном, заметив, как омрачилось лицо матери.

— Мари, имей в виду, ночью даже во мне дремлет чудовище.

— В ком угодно, только не в тебе! Про тебя я бы ни за что так не сказала! Ни за что!

— Но если бы не луна, я тоже превратилась бы в землерылиху. К несчастью, наши сородичи не умеют сами, как я, призывать луну, вот мне и приходится помогать им через две ночи на третью. Сегодня третья ночь, да еще и первое весеннее полнолуние. Наш Клан соберется, и я всех омою, чтобы открылись они любви и радости, не погрязли в тоске и гневe. Ты же все это знаешь, Мари. Что тебя тревожит?

Мари покачала головой. Разве скажешь маме, милой, доброй, умнейшей маме, которая одна знает о дочери правду и любит ее вопреки всему, что с недавних пор их мирок сделался ей тесен?

Ни за что не созналась бы девушка в подобных мыслях, как Леда никогда не раскрыла бы правду о дочери.

— Да так, пустяки. Наверно, полнолуние виновато. Я чувствую луну даже здесь, в норе, даже до ее восхода.

В появившейся улыбке Леды сквозила гордость.

— У тебя мой дар, а то и большой. Пойдем сегодня вместе, Мари. Надень свой лунный венец и раздели праздник с Кланом. Силу луны легче всего притягивать в полнолуние, а сегодня луна будет огромной и яркой, как солнце.

— Нет, мама, только не сегодня. Я устала терпеть неудачу за неудачей перед тобой, не хватало еще осрамиться перед Кланом.

Леда продолжала улыбаться.

— Верь матери. У тебя мой дар, а то и большой. Вот из-за этого «больше» и учить тебя тяжело.

— Тяжело? — Мари снова вздохнула. — Хочешь сказать, бесполезно?

— Полно преувеличивать! Ты жива, здорова телом и духом. Ни днем ни ночью, ни при луне ни без нее ты не впадаешь в тоску или безумие. Это главное, а остальное придет с опытом, только наберись терпения.

— Другого способа научиться нет, ты уверена?

— Уверена. Это так же, как с твоими рисунками: сколько ты трудилась над ними, пока они не стали оживать под твоей рукой!

— Рисовать куда проще!

Леда тихонько засмеялась:

— Кому как. — Но улыбка тотчас сбежала с лица матери. — Ты же знаешь, Мари, скоро я должна буду выбрать себе преемницу. Дальше тянуть некуда, женщины Клана заждались.

— Я пока не готова, мама.

— Тем более надо идти со мной. Встанем рядом перед Кланом, и ты попробуешь призвать луну. Пусть женщины Клана успокоятся. Пусть увидят, что я начала тебя учить, хотя пока и не объявила во всеуслышание своей преемницей.

Мари вздернула уголки губ:

— Начала учить? Леда, ты меня учишь с рождения!

— Ученица из тебя способная. И перестань называть меня Ледой.

— Тугодумка я, а не способная ученица, матушка!

— Ты не тугодумка, Мари. Ты многогранна: твой ум, задатки, достоинства — все многогранно. Со временем из тебя выйдет прекрасная Жрица.

В серых внимательных глазах Леды светилась мудрость.

— Но только если ты захочешь ею стать.

— Не хочу тебя разочаровывать, мама.

— Я никогда в тебе не разочаруюсь, какой бы путь ты ни избрала.

Леда вновь поморщилась от боли: по ее телу опять пробежала дрожь, а серебристый отлив кожи перешел с изящных кистей рук выше, на предплечья.

— Хорошо, пойдем, — решила девушка.

Мать просияла:

— Ах, Мари, порадовала ты меня!

На время позабыв о боли, Леда поспешила в свою комнату. Было слышно, как она стучит горшками, роется в